

Едва миновало пятнадцатое число третьего месяца, старший Лин начал торопить Гу Чэньюя в путь.

В прошлой жизни в ночь гибели всей деревни Саньси он покинул родные места с мёртвым сердцем. Высокая температура не спадала, сознание было спутанным. Если бы Фу Сыюань не оставался рядом, Гу Чэньюй, вероятно, давно умер бы где-нибудь в дороге.

Теперь все жители Саньси были живы и здоровы, но надолго задерживаться Гу Чэньюй всё равно не мог.

Во-первых, никто не знал, что случится, если окончательно отклониться от сюжета, а старший Лин торопил без остановки.

Во-вторых, Фу Сыюань всё ещё числился в розыске города Уван. Преследователи могли выйти на деревню и втянуть жителей в беду.

Поэтому, взвесив всё, на следующее утро они вдвоём отправились в Южный посёлок.

Гу Чэньюю было тяжело расставаться, но устраивать пышные проводы он не стал. Заранее предупредил только старосту и ушёл тихо. Иначе, зная характер односельчан, ему бы набили сумки местными гостинцами до отказа, а у въезда собралась бы огромная толпа со слезами на глазах. До полудня он бы точно никуда не уехал.

Десять лянов тётушки Хуа он тоже незаметно вернул. Её заботу он принял сердцем, но этих денег семье хватило бы на полгода жизни. Взять их Гу Чэньюй не мог ни при каких обстоятельствах.

В Центральной области жило много обычных людей, и применять заклинания на виду было неудобно. От Саньси до Южного посёлка было двадцать ли, поэтому Гу Чэньюй за тридцать вэней подсел к проезжавшей мимо ослиной повозке.

Большинство таких возчиков были мелкими торговцами зерном. Они покупали урожай у крестьян подешевле, а в посёлке перепродавали дороже и зарабатывали на разнице. Им было всё равно, насколько далеко ехать и насколько плоха дорога: лишь бы было зерно на продажу.

Возчик несколько раз прикрикнул на осла. Колёса заскрипели, и маленькая деревня Саньси постепенно скрылась из поля зрения Гу Чэньюя.

Утренний свет тонкими полосами пробивался сквозь лес. Незнакомому почему, ему вдруг вспомнилась прошлая жизнь.

Тогда до самой смерти он так и не вернулся на родину.

А как будет теперь?

Юноша прислонился спиной к деревянному борту и потёр переносицу. Лёгкий ветер шевелил длинные пряди у висков. Половина лица скрывалась в тени. Всё пережитое лежало в сердце, как кувшин горького вина.

Жизнь смертного — сто лет, а для культиватора всего лишь утро и вечер. После этой разлуки кто знает, когда они увидятся снова?

На пути культивации всё решали духовные корни и врождённый талант. Есть они — есть. Нет — значит нет. Люди рождались неравными. Единственный путь для человека без корней — убить другого культиватора, пока тот жив, вырвать его духовный корень и с помощью запретной техники пересадить себе. Иначе в этой жизни начать культивацию было невозможно.

Снаружи мир совершенствования выглядел прекрасным, но внутри человеческая природа оставалась всё той же.

Культиваторы тоже люди. А человеческое зло не знает дна. Соученики убивали друг друга, близкие друзья становились врагами, сильные издевались над слабыми, людей убивали ради сокровищ — подобное происходило постоянно.

И смертные, и культиваторы прекрасно понимали одну вещь: Небесное Дао бесстрастно, и всё сущее для него — словно соломенные псы.

Гу Чэньюй знал это лучше многих.

Путь к Дао неизбежно будет полон испытаний.

— Чэньюй.

Юноша поднял глаза и выдавил улыбку.

— Что такое?

Фу Сыюань ничего не сказал. Он лишь накрыл ладонью сжатую правую руку Гу Чэньюя. Тепло двух тел смешалось через соприкоснувшуюся кожу — безмолвное утешение.

— ...

И как раз когда Гу Чэньюю стало тепло на душе, старший Лин без всяких церемоний влез в

момент.

□Ты чего? С братом мелодраму Цюн Яо разыгрываешь?□

□Вро решил, что раз начал культивировать бессмертие, то теперь сирота: отринул чувства и желания, остался один-одинёшенек и навсегда бросил прошлое? Ты на мече летать зря учился? Соскучился по дому — сам прилети!□

□Я уже сотни раз говорил: у нас Путь Чувств. Путь Чувств! Путь Чувств! Не перенимай дурные привычки Пути Бесчувствия!□

□Слышал, у них там ради подтверждения Дао даже жён и мужей убивают, родных не признают, сердца каменные. Нам такое не надо.□

□♪ Почаще домой возвращайся~ домой возвращайся~□

Гу Чэньюй столько времени слушал странную тарабарщину Линлинци, что уже сам собой освоил немало выражений. По крайней мере разговаривать с ним теперь можно было без переводчика.

— ...Старший, вы знаете выражение «молчание — золото»? Может, не будете говорить? Пожалуйста, просто не говорите.

□Why? WhyWhywhy? Tell me why? Я что, плохо говорю? Песня недостаточно зажигательная?□

□Я серьёзно. Не грусти. Ты же главный герой — впереди светлое будущее!□

Только вот Небо, поручая великое дело человеку, сперва обязательно мучает его волю, истощает тело, заставляет голодать и терпеть нужду...

Хм.

Линлинци решил, что пока лучше Гу Чэньюю этого не говорить.

□♪ Go-go-go, отправляемся~ Насколько насыщен вкус чёрного кофе~ А мне нужна лишь лёгкость газировки~□

После выходки Линлинци вся тоска Гу Чэньюя рассеялась. Теперь ему даже хотелось смеяться.

Щербатый возчик погонял осла кнутом и время от времени поглядывал на двоих пассажиров. Оба хорошенькие, одежда чистая — интересно, зачем им в посёлок?

— Вы там осторожнее. Не попадитесь торговцам людьми.

Ослиную повозку ужасно трясло на жёлтой грунтовой дороге. Сзади ещё были навалены перевязанные мешки зерна, места почти не осталось. Гу Чэньюй уже практически сидел у Фу Сьюаня в объятиях.

— Вы, ребята, откуда будете?

— Из деревни Ванцзя.

— Ванцзя? Это недалеко. А в Южный посёлок зачем?

Повозку резко качнуло. Фу Сьюань придержал покотившийся мешок с сухим провиантом и заодно прикрыл ладонью лоб юноши. Гу Чэньюй совершенно естественно ответил возчику: в дороге нельзя рассказывать незнакомцам правду.

— Мы с братом родственника ищем. Наш проклятый бессердечный отец бросил нас с бедной матерью и сбежал в Южный посёлок. Дома ни денег, ни еды, прокормить нас мама не может. Не захотела смотреть, как мы умираем с голоду, надела на нас хорошую одежду и отправила искать отца. А если не найдём — хоть работу где-нибудь устроимся.

— Ого! В Ванцзя и такая история есть?

— Ага. Несчастливая судьба.

Возчик причмокнул и покачал головой — не то из вежливости, не то действительно жалея их. Но раз разговор завязался, он продолжил болтать с Гу Чэньюем.

— Как приедете в Южный посёлок, держитесь подальше от дома землевладельца Чэня. Не хватало ещё на их дурную удачу наступить.

— Вот как?

Возчик звонко щёлкнул кнутом и ткнул рукой на юг.

— У старшего господина Чэня, который живёт на востоке посёлка, старшая дочь одержима нечистью!

— Всего два-три дня назад, говорят, неизвестно откуда притащила бедного учёного и заявила: умру, а за другого не выйду. Теперь весь посёлок болтает, будто госпожа Чэнь давно тайком сошлась с этим книжником и уже не невинна. Старик Чэнь лицо потерял окончательно! Ха! Ну

не чудеса ли?

Возчик хлопнул себя по бедру, брызгая слюной от смеха.

— А вчера ещё лучше! Господин Чэнь выгнал учёного, так старшая барышня надела красное, вышла на улицу и прямо перед управой на колени бухнулась — требует справедливости!

— Вот ведь сколько на свете хорошего. Этому книжнику счастье само в руки упало — барышня Чэнь до такого по нему сохнет. Почему нам так не везёт?

Гу Чэньюй и Фу Сыюань переглянулись. У обоих появились догадки.

— Кто его знает. Тут не разберёшься.

— И то верно. Дурных дел полно — где во всех разберёшься.

Щербатый возчик резко натянул поводья, и старый осёл остановился возле пограничного камня.

— Приехали, ребята. Ещё пару шагов вперёд — и посёлок.

Южный посёлок стоял на слиянии трёх рек. Власти устроили здесь пристань и почтовую станцию. Благодаря пристани торговцев становилось всё больше, а чайных, трактиров, харчевен и театров здесь было не по одному. По обе стороны любой мощёной улицы, где ходили люди, обязательно стояли самые разные лавки и лотки.

Землевладельцем Чэнем, о котором говорил возчик, был самый богатый человек Южного посёлка — Чэнь Фаньюань.

Он был знаменит и очень дорожил лицом. Гу Чэньюй знал о нём ещё со времён, когда приносил в Южный посёлок лекарственные травы на продажу.

Семья Чэнь занималась торговлей. У Чэнь Фаньюаня были сын и дочь. Дочь выросла красивой и стройной; говорили, желающие свататься истоптали порог. Но Чэнь Фаньюань считал её драгоценностью в ладони и не хотел отдавать кому попало. Так брак всё откладывался, и к двадцати пяти годам она всё ещё оставалась незамужней.

Сын оказался многообещающим. В семнадцать лет он сдавал государственные экзамены и на осеннем провинциальном испытании занял первое место, получив звание цзеюаня. Семья Чэнь целый месяц устраивала пиры и принимала гостей со всех сторон. После этого Чэнь Фаньюань ходил, задрав подбородок, и каждому встречному рассказывал, что его сын — цзюйжэнь. Гордости было — не обойти.

Добравшись до посёлка, им первым делом следовало найти ночлег.

Что до «одержимости» барышни Чэнь, в прошлой жизни Гу Чэньюй тяжело болел и не уделял истории внимания. В памяти оставалось, что госпожа Чэнь вроде бы действительно вышла за того учёного, но что случилось потом, он уже не слышал.

Подобные уличные слухи, где правда перемешана с ложью, Гу Чэньюя никогда особенно не интересовали.

<http://bllate.org/book/19829/1959938>